

Пашкин А. Г. Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 — январь 1942 годов) / А. Г. Пашкин, Р. А. Мухамедов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 477—493. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-477-493.

Pashkin, A. G., Mukhamedov, R. A. (2022). Participation of NKVD and Prosecutor's Office in Ensuring Construction of Kuibyshev Defensive Line (November 1941 — January 1942). *Nauchnyi dialog*, 11(3): 477-493. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-477-493. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-477-493

Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 — январь 1942 годов)

Пашкин Андрей Геннадьевич^{1,2}
orcid.org/0000-0003-2602-1806
кандидат исторических наук,
докторант¹, директор²
pashkin.ag@mail.ru

Мухамедов Рашит Алимович¹
orcid.org/0000-0001-6181-3249
доктор исторических наук, профессор
rasit56@mail.ru

¹Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

²Государственный архив новейшей
истории Ульяновской области
(Ульяновск, Россия)

Participation of NKVD and Prosecutor's Office in Ensuring Construction of Kuibyshev Defensive Line (November 1941 — January 1942)

Andrey G. Pashkin^{1,2}
orcid.org/0000-0003-2602-1806
PhD in History
Doctoral Student¹, Director²
pashkin.ag@mail.ru

Rashit A. Mukhamedov¹
orcid.org/0000-0001-6181-3249
Doctor of History, Professor
rasit56@mail.ru

¹Ulyanovsk State University
of Education
(Ulyanovsk, Russia)

²State Archive
of Contemporary History
of the Ulyanovsk Region
(Ulyanovsk, Russia)

© Пашкин А. Г., Мухамедов Р. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется деятельность органов НКВД и прокуратуры по обеспечению мобилизации на строительство Куйбышевского оборонительного рубежа и пресечению дезертирства. Актуальность исследования обусловлена тем, что опыт деятельности структур НКВД и прокуратуры, направленной на обеспечение оборонительного строительства в экстремальных реалиях военных действий, является важным источником информации для инженеров военного дела Российской Федерации. Авторы на основе введения в научный оборот архивных, ранее секретных документов из фондов изучили процесс строительства оборонительного рубежа, положение мобилизованных и проанализировали деятельность органов НКВД и прокуратуры. Выявлено, что работники органов внутренних дел и прокуратуры для пресечения дезертирства в первую очередь стремились осуществить нормализацию снабжения рабочих продуктами питания, одеждой и оборудованием, установить точные нормы выработки, исходя из половозрастных особенностей строителей. В ходе исследования было доказано, что к середине декабря 1941 года репрессивная политика была свернута, а местные органы власти осуществляли мероприятия по улучшению продуктового обеспечения работников.

Ключевые слова:

Среднее Поволжье; военно-полевое строительство; НКВД; прокуратура; дезертирство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the activities of the NKVD and the prosecutor's office to ensure the mobilization and suppression of desertions from the construction of the Kuibyshev defensive line. The relevance of the study is due to the fact that the experience of the activities of the NKVD structures and the prosecutor's office, aimed at ensuring defensive construction in the extreme realities of military operations, is an indispensable source for military engineers of the Russian Federation. Based on the introduction into scientific circulation of previously secret archival documents from the funds of RGASPI, SOGASPI and GANI UO, they paid attention to the process of building a defensive line, the situation of the mobilized and analyzed the problems of the activities of the NKVD and the prosecutor's office. It was revealed that the employees of the internal affairs bodies and the prosecutor's office, in order to prevent desertions, first of all sought to normalize the supply of workers with food, clothing and equipment, the establishment of exact production standards, based on the gender and age characteristics of the builders. In the course of the work, it was proved that by mid-December 1941 the repressive policy had been curtailed, and local authorities took measures to improve the food supply for workers.

Key words:

Middle Volga region; military field construction; NKVD; prosecutor's office; desertion.

Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 — январь 1942 годов)

© Пашкин А. Г., Мухамедов Р. А., 2022

1. Введение = Introduction

Период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов явился временем значительных по масштабам и численности процессов мобилизации населения для поддержания обороноспособности страны. Сегодня их значимость приравнена к победам, одержанным на фронтах войны. Так, 2 июля 2020 года Президент РФ В. В. Путин присвоил почетное звание «Город трудовой доблести» Самаре и Ульяновску.

Одним из значимых для военного периода процессов стало возведение Куйбышевского оборонительного рубежа с ноября 1941 года по январь 1942 года в нем принимало участие более 90 тыс. человек. Строительство, осуществлявшееся в тяжелых условиях, стало трудовым подвигом жителей Среднего Поволжья, однако до настоящего времени история Куйбышевского оборонительного рубежа почти не изучена. В большинстве исследований по оборонному строительству в СССР не затрагивается факт курирования Куйбышевского строительства Наркоматом внутренних дел СССР и вообще вопрос участия правоохранительных и надзорных органов в организации процесса. В современной культуре образ «работника НКВД», прокурора представлен весьма тенденциозно и негативно, в то время как НКВД и Прокуратура играли достаточно важную роль в принятии решений партийными и советскими организациями. Данные обстоятельства позволяют при проведении исследования получить новое историческое знание, что придает заявленной проблеме актуальность и новизну.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Информация о строительстве Куйбышевского оборонительного рубежа хранится в фондах бывших партийных архивов Самарской и Ульяновской областей. Так, в фонде Куйбышевского обкома ВКП (б) [СОГАСПИ, ф. 656] имеются распорядительные документы бюро о начале строительства, распределении плановых заданий по мобилизации рабочей силы по районам области, переписка с командованием 4 саперной армии, со штабами участков военно-полевого строительства. Из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области [ГАНИ УО, ф. 8, 9, 24 и др.] в научный

оборот были введены материалы первичных партийных организаций участков строительства, переписка как непосредственно со штабами участков, так и с работниками правоохранительных и следственных органов, осуществлявших надзор за ходом работ и качеством жизни мобилизованных. Особый интерес представляют обвинительные заключения и обзоры районных прокуратур по уголовным делам на дезертиров. В силу того, что большинство документов ГАНИ УО ранее имело гриф «секретно» и «совершенно секретно», они вводятся в научный оборот впервые.

Методологическую основу работы составили базовые общенаучные принципы и методы исторического исследования. Так, применение метода историзма позволило в хронологической ретроспективе восстановить основные события, происходившие на военно-полевом строительстве. Сравнительно-исторический, историко-системный методы дали возможность изучить деятельность органов НКВД и прокуратуры по обеспечению военно-полевого строительства во всех направлениях: нормализации снабжения, профилактики дезертирства, попыток оказать влияния на принимаемые решения партийными и советскими организациями. В результате того, что в ходе исследования в научный оборот впервые было введено большое количество исторических источников, к ним были применены методы источниковедческой критики. Так, для проверки фактов невозможности мобилизовать планируемое количество работоспособного населения были привлечены документы районных земельных отделов, которые отразили в ноябре — декабре 1941 года значительные затруднения в вопросе заготовительных работ из-за недостатка рабочей силы в каждом из районов.

Проблема возведения оборонительных рубежей на территории РСФСР детально изучена. Стоит отметить труд В. Н. Малярова, где автор подробно представил ход строительства рубежей, обозначил несоответствие плановых заданий по привлечению населения с мобилизационными возможностями областей [Маляров, 2000]. Достаточно подробно изучено строительство Казанского, Сурского, Горьковского оборонительных рубежей [Кошкина, 2013; Митин, 2015; Кабинова, 2016]. Проблема нашла отражение и в работах [Ирлицин, 1998; Верютин, 2002; Чугунова, 2003; Красноженова, 2008; Тугушева, 2009; Хубулова и др., 2013]. Кроме того, в свет вышли сборники архивных документов, освещающих строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей [Строительство оборонительного ..., 2020; Подвиг тружеников ..., 2021]. Строительство Куйбышевского оборонительного рубежа до настоящего времени малоизучено. Данный вопрос затронут в публикации сотрудника СОГАСПИ Е. М. Малинкина [Малинкин, 2010]. В то же время деятельность органов НКВД и прокуратуры почти не проанализирована, хотя именно эти две организации оказали су-

шественное влияние на ход строительства. В связи с описанным объемом изучения истории строительства Куйбышевского оборонительного рубежа данная статья призвана заполнить имеющиеся пробелы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мобилизация населения на строительство оборонительного рубежа в октябре 1941 года: ошибки расчетов

Сооружение рубежей обороны городов Куйбышева и Ульяновска имело государственное значение. В обоих городах к середине октября 1941 года разместились почти все действующие органы власти страны, посольства иностранных государств, здесь были сосредоточены крупнейшие оборонные предприятия и научно-исследовательские организации. Важно, что эти города являлись крупными водными и железнодорожными транспортными узлами. Строительство Куйбышевского оборонительного рубежа было обозначено в решении Государственного комитета обороны СССР (далее — ГКО) № 782-сс от 13 октября 1941 года как составная часть оборонительной линии, протянувшейся от Онежского озера на севере до Астрахани на юге. Работы по возведению Куйбышевского рубежа производило 4-е управление военно-полевого строительства, разместившееся в г. Куйбышеве. Окончание работ ГКО запланировал к 10 декабря 1941 года. Общее руководство оборонительным строительством было возложено на Наркома внутренних дел Л. П. Берия [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 12, л. 113]. Рассмотрев постановление ГКО, 20 октября 1941 года бюро Куйбышевского обкома ВКП (б) приняло собственное развернутое решение. Весь рубеж был разделен на 21 участок. Начальниками участков строительства бюро Куйбышевского обкома назначало либо секретарей райкомов ВКП (б), либо председателей исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся. На время строительства они освобождались от выполнения своих основных обязанностей. Начальники участков формировали аппарат из местных кадров [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 5, д. 151, л. 136]. Постановление предусматривало начать рекогносцировочные работы с 22 октября, а также в срок до 25 октября провести мобилизацию населения в порядке бесплатной трудовой и гужевой повинности. Контрольной датой отчетности о завершении строительства бюро обкома назначило 25 декабря [Там же, л. 138].

В начале октября 1941 года была проведена мобилизация неработающего населения, служащих предприятий и учреждений, а также учащихся учебных заведений Куйбышевской области в порядке трудовой повинности для оказания помощи сельскому хозяйству [ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1888, л. 157]. В результате загруженности большинство партийных организаций

не успели проанализировать свои мобилизационные возможности. Постановление бюро Куйбышевского обкома многие райкомы проработали непосредственно в день мобилизации [Там же, л. 208]. Например, Старо-Кулаткинский райком ВКП (б) изучил постановление только 25 октября. Райком поручил исполкому райсовета в суточный срок довести плановые задания по сельсоветам, колхозам, МТС и мобилизовать требуемое количество людей, тяглового скота и техники [ГАНИ УО, ф. 37, оп. 1, д. 229, л. 188]. Аналогичные решения приняли и другие райкомы ВКП (б).

Несогласие с количеством мобилизуемых и сроками мобилизации выражали в большинстве случаев работники НКВД и прокуратуры. Они с сентября 1941 года находились в качестве уполномоченных на уборочных работах и знали о значительном недостатке рабочих рук в сельском хозяйстве. Так, на заседании бюро Мелекесского райкома ВКП (б) при обсуждении мобилизации прокурор района отметил: «Если мы мобилизуем людей, мы обескровим колхозы. Надо предложить обкому дать нам разрешение на 10 дней отложить отправку населения, завершить обмолот хлеба» [ГАНИ УО, ф. 31, оп. 1, д. 545, л. 163]. Параллельно со строительством оборонительного рубежа население и транспорт хозяйствующих организаций были задействованы в порядке повинности и на других работах [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 36, л. 289]. Ещё в августе 1941 года сельское хозяйство области направило фронту до 70 % машинно-тракторного парка [Там же, л. 207], поэтому ресурсами для выполнения плановых заданий по поставке на строительство техники районные власти не располагали.

В первых сводках о мобилизации населения местные органы НКВД докладывали о распространении среди граждан негативных настроений. Так, 4 ноября 1941 года Ульяновский горотдел НКВД сообщал: «Кассир артели “Красный кооператор” Ф. заявил: “Это безобразие, издеваться так над женщинами, гонять их на работу разутых, раздетых. Спасать родину надо не женщинам, а тем, кто видел жизнь”» [ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1897, л. 39]. Резюмируя сообщение, начальник Ульяновского горотдела НКВД капитан госбезопасности Черных указывал, что отмечены и другие аналогичные факты и предлагал горкому исправить положение усилением агитработы.

В результате несоответствия планируемых показателей мобилизации населения и реальных возможностей территорий задания выполнены не были. Так, по Вешкаймскому району было мобилизовано 4366 человек, хотя в задании значилось 6 тысяч человек [ГАНИ УО, ф. 27, оп. 1, д. 164, л. 155 об.]. Достаточно частым явлением стало нарушение организации перемещения мобилизованных на участки ВПС. Так, Старо-Майнский районный отдел НКВД сообщал, что из-за отсутствия переправы через р. Волгу свыше 800 человек неделю провели на берегу, в связи с чем пред-

лагалось либо обеспечить людей продовольствием, либо распустить по домам [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 102 об.].

9 декабря 1941 года нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия направил Куйбышевскому обкому телеграмму. Виновным в неудовлетворительном проведенной мобилизации нарком посчитал руководство районных партийных организаций и органов исполнительной власти. В завершении телеграммы областному комитету ВКП (б) предлагалось в пятидневный срок мобилизовать ещё 50 тыс. человек, о чем необходимо было доложить в Наркомат внутренних дел [Военно-промышленный ..., 2005, с. 22]. В действительности на строительстве рубежа должно было трудиться ровно 290 000 человек, но к 16 декабря 1941 года прибыло 96 180 человек [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 153].

В ноябре 1941 года местные органы власти и партийные организации ещё предпринимали попытки изыскать возможности для дополнительной мобилизации. Например, в Тагайском районе решением бюро от 20 ноября 1941 года часть сельскохозяйственных работников направили на строительство, заменив их на работах по скирдованию и молотье учащими старших классов общеобразовательных школ [ГАНИ УО, ф. 39, оп. 1, д. 288, л. 180]. Однако уже к декабрю эти попытки были оставлены. По Сызранскому сельскому району на 1 января 1941 года имелось 10 069 человек трудоспособного населения, а к 1 декабря 1941 года — 4 589 человек, из которых 3 341 был послан на военно-полевое строительство, 231 — на прочие виды работ. В сельском хозяйстве осталось 1017 трудоспособных работников, а недостаток необходимых для поддержания аграрного сектора 1 933 человек район покрывал за счет привлечения к работам детей с 12-летнего возраста [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 140].

Все попытки руководства участков ВПС мобилизовать дополнительные людские ресурсы на строительство уже к началу 1942 года приводили к достаточно резким конфликтам с районными партийными и советскими организациями. Так, 8 января 1942 года Богдашкинское управление ВПС просило Старо-Майнский райком ВКП (б) для завершения работ до 20 января срочно мобилизовать и прислать 800 человек. В ответ Старомайнский райком ВКП (б) 13 января ответил, что присутствовавших на строительстве жителей района вполне достаточно для его завершения, но настоятельно порекомендовал начальнику участка вернуть колхозу «1-е мая» Старо-Майнского района 10 лошадей для завершения хлебосдачи [ГАНИ УО, ф. 9, оп. 1, д. 376, л. 65].

Если в сельской местности органы НКВД осуществляли лишь анализ проводимых мероприятий по мобилизации населения, то в городах в начале ноября 1941 года городские отделы по устному указанию областного

управления внутренних дел провели подомовой обход жителей. Результаты мероприятия показали, что вручение повесток исполкомами городских и районных Советов было проведено в хаотичном порядке. Работники Мелекесского горотдела при обследовании 160 адресов лиц, подлежащих мобилизации, выявили 95 человек, которым повестки вручены не были. По г. Ульяновску с 1 по 3 ноября работники милиции установили многочисленные факты неверного оформления повесток. 309 жителям города, которые были включены в списки привлеченных к трудовой повинности, повестки также не были вручены [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 118]. В дальнейшем органы НКВД рассматривали мобилизацию городского населения как угрозу выполнению плановых заданий промышленными предприятиями, на которых также ощущался кадровый голод [ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1897, л. 49 об.]. 3 декабря 1941 года Ульяновский горотдел НКВД сообщил о срыве выполнения задания по производству боеприпасов патронным заводом № 3 им. Володарского при условии мобилизации 1500 рабочих на ВПС [Там же, д. 1949, л. 65].

3.2. Профилактика и пресечение дезертирства со строительства Куйбышевского оборонительного рубежа

Прибывших в первый месяц строительства 96 тысяч человек было необходимо удержать от самовольного ухода. Руководителями участков ВПС, а также партийными организациями самой действенной мерой были признаны репрессии. Так, начальник Кузоватовского участка ВПС Андреев жаловался Куйбышевскому обкому ВКП (б) на большое количество прекращенных прокуратурой уголовных дел. Так, 7 ноября 1941 года районный прокурор Федосеев освободил из-под ареста К., на которого был оформлен материал по обвинению по ч. 6 ст. 59 УК РСФСР. За день до этого Андреев просил 4-е управление ВПС наложить взыскание по административной линии на дезертировавших со строительства членов сельскохозяйственной артели им. Молотова Кузоватовского района [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 3]. Вплоть до конца декабря 1941 года начальники участков ВПС требовали воздействия на органы прокуратуры по ускорению расследования дел на дезертиров, по прекращению их оправдания. Даже в январе 1942 года Куйбышевский обком продолжал получать жалобы на частые отказы районных прокуроров в возбуждении уголовных дел на дезертиров [Там же, л. 176].

Органы НКВД и прокуратуры придерживались иного взгляда на необходимость уголовного преследования дезертиров из-за необходимости выносить суровые приговоры. Так, 14 ноября 1941 года районный суд 2 участка Радищевского района рассмотрел дело по обвинению 5 жителей с. Новое Зеленое, которые отстали от группы мобилизованных и прибыли на стро-

ительство на сутки позже. Следствие установило факт того, что, прибыв в райцентр, подсудимые распивали спиртные напитки. Суд признал всех пятерых виновными и приговорил каждого к лишению свободы сроком на 5 лет с поражением в правах [ГАНИ УО, ф. 295, оп. 1, д. 102, л. 178].

Решения об уголовном преследовании дезертиров и лиц, уклонявшихся от мобилизации на строительство, не были настроены принимать и местные партийные и советские организации. Так, 9 ноября 1941 года Богдашкинский райком ВКП(б) совместно с управлением ВПС одноименного района направили в Старомайнский райком ВКП(б) списки дезертировавших колхозников. Они просили задержать членов колхоза им. Буденного Г., П., К., единоличников отца и сына Л. и этапировать их в Богдашкино для организации показательного судебного процесса, а также воздействовать на районный отдел НКВД для выделения на строительство одного из участковых милиционеров для оформления дел на дезертиров [ГАНИ УО, ф. 9, оп. 1, д. 376, л. 23]. Но по состоянию на 29 ноября 1941 года Старомайнский райком никаких решений не принял. К этому моменту на Богдашкинском участке из Старо-Майнского района осталось 11 % от планируемого количества людей. Для выяснения причин массового дезертирства Старомайнский райком ВКП (б), кроме участкового уполномоченного, командировал в Богдашкино помощника прокурора района. Последний в докладной записке сообщал: «Люди на строительстве проработали месяц, не имеют теплой одежды и обуви. Колхозники колхозов “Красный Валдай”, им. Буденного, “Волна революции”, им. Степана Разина, а также рабочие Кандалинского лесничества сбежали. Положение с рабочей силой весьма тяжелое» [Там же, л. 37].

17 ноября 1941 года, получив ряд сигналов о плачевном состоянии мобилизованных на строительстве рубежа в Шигонском районе, областное управление НКВД направило туда начальника Молотовского районного отдела. Он обнаружил массовые случаи нарушений, допущенных как местными органами власти, мобилизовавшими людей, так и руководством строительного участка. Сельсоветы заявляли мобилизованным, что они пробудут на строительстве не более 10 дней. Многие прибыли на строительство в легкой одежде, не запасли необходимого количества продуктов и не устроили на попечение несовершеннолетних и престарелых членов семей. Лично начальником участка Макаровым в результате осмотра прибывших были отпущены по домам 259 человек, среди которых были дети до 15-летнего возраста, старики старше 56 лет, беременные женщины и больные, освобожденные от работ на основании врачебных заключений. На участок строительства должно было прибыть 6 254 человека. Но к 18 ноября прибыло 2 028 человек, из которых было направлено домой по разным причинам или дезертировало более 1 200 человек. Из оставшихся

не выходили на работу из-за отсутствия одежды, питания и топлива около 600 человек [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 116].

27 ноября 1941 года, основываясь на докладных записках районных отделов НКВД, а также на сведениях специально командированных работников, начальник Управления наркомата внутренних дел майор государственной безопасности Попков составил на имя первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) обстоятельную записку о состоянии строительства. Он отмечал, что проблемы вызваны попустительством районных организаций и сельсоветов, в том числе отсутствием продуктовых запасов, перебоями в обеспечении горячим питанием. Также местными органами власти были допущены массовые случаи предоставления ложной информации в момент проведения мобилизации, выразившиеся в посылке на работы беременных женщин, несовершеннолетних детей и стариков. Так, 5 ноября 1941 года Фрунзенским райисполкомом г. Куйбышева в Ставрополь были направлены 1,5 тыс. человек. Ни один из них не был предупрежден о необходимости взять с собой теплое белье и постельные принадлежности. Осведомитель Куйбышевского областного управления НКВД, мобилизованный в числе других, сообщал, что по прибытии на место строительства людей разместили в неподготовленном и неотапливаемом летнем помещении бывшего пионерского лагеря, не выдавали хлеба и горячей пищи в течение пяти дней [Там же, л. 113].

Начальник Майнского районного отдела НКВД сообщал в Областное управление о фактах формального отношения районных властей к подбору и направлению людей на строительство. Так, только на 4-й участок Майнского ВПС из Тереньгульского района было направлено 17 человек, имевших на руках справки от врачей о нетрудоспособности, в числе которых были беременные женщины, а также лица, страдавшие психическими расстройствами. В результате самовольное оставление работы приняло массовый характер, и с двух участков Майнского ВПС дезертировало более 300 человек. Кроме того, районный отдел НКВД отмечал, что мобилизованные из Тереньгульского, Сенгилеевского, Ново-Девиченского, Мелекесского и Николо-Черемшанского районов по несколько дней не получали продуктов питания [Там же, л. 115].

Куйбышевское облуправление НКВД установило, что продуктовое обеспечение осуществлялось с перебоями не из-за отсутствия продуктов, а из-за бюрократизации процесса. Так, на 4-м участке ВПС 9 ноября 1941 года по наряду Облпотребсоюза были получены мука, крупы, бобовые, макаронные изделия. Но вплоть до 20 ноября продукты в продажу не поступили, так как Облпотребсоюз не сообщил на них цены. В результате ни Сосново-Соловецкий, ни Шигонский райпотребсоюзы не разрешили сельпо продавать эти

продукты по прежнему ценам, опасаясь ответственности. Именно отсутствие продовольствия, невозможность его приобрести приводила к самовольному уходу мобилизованных со строительства. В Красноярском районе в первой половине ноября 1941 года из 1 500 мобилизованных самовольно вернулось в район около тысячи человек, в Куйбышевском районе за это же время из 2 500 человек строительство покинули 1 600 человек. В Сурский район из 4 500 мобилизованных только за 6 и 7 ноября 1941 года самовольно вернулось более 600 человек [Там же, л. 117].

Характеризуя морально-психологическое положение строителей, Областное управление НКВД отмечало значительную степень распространения негативных настроений. Так, прибывший на строительство из Тереньгульского района В. распространял слухи о налете и бомбардировке фашистской авиацией участка ВПС в Сызранском районе. Агитация В. оказала сильное влияние на несколько десятков девушек, которые в слезах пришли в штаб с просьбой отпустить их домой, не дожидаясь прилета вражеских самолетов. В. был арестован районным отделом НКВД. Большое количество случаев хулиганств, угроз в адрес должностных лиц регистрировалось во время проведения дополнительной мобилизации. Негативные высказывания распространялись и среди немобилизованного населения. Самовольно покинувшие ВПС распространяли среди знакомых и коллег нелестные отзывы об условиях, в которых находились строители, призывали их уклоняться от мобилизации. Данные перлюстрации писем, которыми располагало Куйбышевское облуправление НКВД, также содержали большое количество резких высказываний. Строители сообщали домой о плохих условиях, которые ставили их на грань выживания, и зачастую выражали готовность совершить дезертирство [Там же, л. 122].

К декабрю 1941 года дезертирство со строительства Куйбышевского оборонительного рубежа приобрело массовые масштабы. Уполномоченный Старо-Майнского районного отдела НКВД, направленный на участок ВПС в Богдашкинском районе, сообщал: «Колхозники уже через месяц работ просят заменить их другими. Быть всю зиму в таких условиях очень трудно. Мои письма председателям колхозов о высылке продуктов не дают никаких результатов, даже сами посланные бригады не возвращаются» [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 1, д. 376, л. 43]. Ульяновский городской отдел НКВД за период с ноября 1941 года по январь 1942 года неоднократно сообщал о нарушениях, допущенных руководством строительства. При посещении дезертиров милиционеры отмечали их крайнюю истощенность. По информации Астрадамовского районного отдела НКВД от 17 декабря 1941 года, остановить самовольный уход со строительства, а также довести дневную норму выработки до 50 % от планируемой удалось только после улучшения продо-

вольственного снабжения мобилизованных, после раздачи им теплой одежды, обуви и организации санитарного обеспечения [ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1888, л. 203]. 29 ноября 1941 года начальник Утеевского районного отдела милиции сообщил, что в Утевку самовольно возвратилось около тысячи человек, мобилизованных на строительство рубежа. В с. Кротовку к началу декабря возвратилось около 1 500 человек. Люди сообщили, что к побегу их вынудило отсутствие питания. В начале декабря заместитель начальника Куйбышевского областного Управления НКВД майор Бызов сообщил, что по всем районам области регистрируются ежедневные случаи самовольного возвращения мелких групп дезертиров численностью до 50 человек [Там же, д. 1891, л. 159]. Для выявления дезертиров, оформления на них уголовных дел, а также для пресечения самовольных побегов у органов НКВД людских ресурсов не имелось. К этому моменту строительство Куйбышевского рубежа самовольно покинуло почти 50 % мобилизованных. Районные прокуроры также повсеместно отказывались возбуждать и расследовать уголовные дела на дезертиров [ГАНИ УО, ф. 24, оп. 1, д. 102, л. 97]. Учитывая массовость самовольного ухода, а это более 40 тысяч человек, органы прокуратуры были не в состоянии осуществить даже документальное оформление столь крупного количества уголовных дел [ГАНИ УО, ф. 9, оп. 1, д. 376, л. 61]. К этому времени в наркомате внутренних дел также пришли к мнению, что репрессивные меры неэффективны. Поиск дезертиров усложнялся и тем обстоятельством, что они не возвращались в свои колхозы, а оседали в близлежащих селах и городах [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 175].

Необходимо отметить, что информация о причинах дезертирства, представляемая органами НКВД и прокуратуры обкому ВКП (б), радикально отличалась по содержанию от информации уполномоченных парткомитетов. Так, парторг Богданкинского Управления ВПС писал в областной комитет: «Многие рабочие уходят не из-за того, что не обеспечены. Я начал беседовать с ними, и колхозница К. заявила: “Я молодая, меня колхоз обеспечил. Мне говорили, вся молодежь здесь, но я решила уйти ... потому что нас проводили работать, а отдельные остались на месте”» [Там же, л. 127].

Районные парторганизации продолжали требовать не улучшения бытовых условий строителей, а расширения репрессивной политики. Так, 28 ноября 1941 года на заседании бюро Старо-Кулаткинского райкома ВКП(б) начальник районного отдела НКВД сообщил, что за два месяца строительства участок ВПС самовольно покинуло более 5 тыс. человек. Бюро райкома поручило прокурору района Трунину привлечь к уголовной ответственности всех дезертиров [ГАНИ УО, ф. 37, оп. 1, д. 229, л. 108]. Зачастую на заседаниях бюро проблема пресечения нарушений трудового распорядка на строительстве превращалась в конфликт между представителями парторганиза-

ций, начальниками участков ВПС и представителями прокуратуры. Так, при расследовании 10 дел на рабочих Тагайского участка ВПС, не вышедших на работу 21 ноября, следователем прокуратуры было установлено, что они не только находились в состоянии болезни, но в течение двух дней не получали горячего питания, не имели тёплой одежды и обуви. Уголовное дело было прекращено. В ответ начальник Тагайского участка Котяев сообщил бюро райкома: «Тёплую одежду и обувь должен был обеспечить колхоз, а он этого не сделал. Питание организовать не можем, но на всей трассе имеется кипяток, а это почти горячая еда. Считаю решение районного прокурора неверным» [ГАНИ УО, ф. 39, оп. 1, д. 288, л. 192 об.].

К середине декабря 1941 года произошел отказ от репрессивной политики. Проблему продовольственного снабжения лиц, занятых на ВПС, удалось частично решить. Все усилия партийных, комсомольских и советских организаций были направлены на сбор помощи строителям. Добровольно возвратившихся дезертиров уголовному преследованию не подвергали. Нарушителей вызывали на беседы в прокуратуру, в органы исполнительной власти, где разъясняли тяжесть совершенного ими деяния и суровость приговора. Как правило, большинство из них уже после первого разговора возвращались на строительство. Так, по Сызранскому району с ВПС в течение первых 10 дней декабря дезертировало 300 человек. После проведенных с ними бесед 290 вернулись на строительство, остальные были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к лишению свободы на срок от 1 года до 5 лет [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 138].

3.3. Завершение строительства

21 декабря 1941 года ГКО принял постановление № 1068-сс, которым к 20 января 1941 года предполагалось завершение строительства оборонительных обводов городов Куйбышева и Ульяновска [ГАНИ УО, ф. 39, оп. 1, д. 288, л. 192 об.]. Предпосылкой к принятию постановления стала докладная записка наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, зампреда СНК СССР А. М. Микояна, начальника инженерных войск РККА генерал-майора Котлярова и начальника управления укрепрайонов РККА генерал-майора Ширяева [ГАНИ УО, ф. 30, оп. 1, д. 491, л. 10]. В ней упоминались массовые прошения областных организаций о высвобождении колхозников и транспорта, занятого на ВПС, для завершения сельхозработ по обмолоту хлеба и вывозки урожая из колхозов. В записке предлагалось освободить мобилизованных в 5 этапов, охватывающих январь 1942 года [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 17, л. 178].

К декабрю 1941 года правоохранительные и следственные органы были переориентированы с преследования дезертиров на профилактику причин

побегов [Там же, оп. 2, д. 30, л. 185]. 28 декабря 1941 года первый секретарь Куйбышевского обкома ВКП (б) Канунников предложил остановить строительство и распустить по домам людей, а также вернуть учреждениям и организациям скот и технику [ГАНИ УО, ф. 9, оп. 1, д. 376, л. 61].

Краткие итоги строительства представил в своей записке прокурор Майнского района: «... выполнение выработки в среднем составило: в ноябре 0,68 куб. м., в декабре — 0,55 куб. м. Низкую производительность труда можно было объяснить отсутствием отбойно-ударного инструмента и неудовлетворительным качеством питания» [ГАНИ УО, ф. 30, оп. 1, д. 491, л. 15].

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на существенные просчеты, допущенные при планировании строительства, все его объекты были завершены. В условиях, когда в аграрном секторе почти полностью были исчерпаны ресурсы рабочей силы, усилия местных партийных и советских организаций прежде всего были приложены к организации заготовительной кампании, хронологически совпавшей с возведением ВПС. Поэтому большинство проблемных вопросов военного строительства районные партийные организации предпочитали решать путем административного и уголовного воздействия на мобилизованных.

В таких условиях успешное возведение Куйбышевского оборонительного рубежа продемонстрировало существенный вклад, внесенный работниками правоохранительных и следственных органов. Осуществляя аналитическую работу, сотрудники НКВД и прокуратуры уже в первый месяц строительства стали добиваться улучшения продовольственного и материального снабжения мобилизованных, усматривая в этом единственную возможность остановить рост дезертирств. Нередко такая позиция приводила к открытым конфликтам с командованием участков ВПС и местными партийными организациями.

К декабрю 1941 года, когда ВПС самовольно покинули до 50 % мобилизованных, сотрудникам НКВД и прокуратуры удалось прекратить необоснованное уголовное преследование лиц, дезертировавших со строительства. С этого момента основное внимание правоохранительных и следственных органов уделялось воздействию на районные советские и партийные организации с целью улучшить питание и снабжение мобилизованных, чтобы дезертиры добровольно вернулись на строительство. В сочетании с применением широкой агитационно-пропагандистской работы эти меры позволили завершить строительство и не допустить применения уголовного преследования к лицам, совершавшим проступки в обстоятельствах на грани выживания.

Источники и принятые сокращения

1. *Военно-промышленный* комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) : сборник документов и материалов. — Самара : Самарский дом печати, 2005. — 304 с. — ISBN 5-7350-0388-7.
2. ГАНИ УО — *Государственный* архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8 (Ульяновский областной комитет КПСС). Оп. 1. Д. 376. Л. 43 ; Ф. 9 (Старо-Майнский райком КПСС). Оп. 1. Д. 376. Лл. 23—65 ; Ф. 13 (Ульяновский городской комитет КПСС). Оп. 1. Д. 1888. Лл. 157—206 ; Д. 1891. Л. 159. Д. 1897. Лл. 39—49 об. Д. 1949. Л. 65 ; Ф. 24 (Астрадамовский РК КПСС). Оп. 1. Д. 102. Л. 97 ; Ф. 27 (Вешкаймский РК КПСС). Оп. 1. Д. 164. Л. 155 об. ; Ф. 30 (Майнский РК КПСС). Оп. 1. Д. 491. Лл. 10—15 ; Ф. 31 (Мелекесский райком КПСС). Оп. 1. Д. 545. Л. 163 ; Ф. 37 (Старокулаткинский райком КПСС). Оп. 1. Д. 229. Лл. 108—209 ; Ф. 39 (Тагайский райком КПСС). Оп. 1. Д. 288. Лл. 180—192 об. ; Ф. 295 (Радищевский РК КПСС). Оп. 1. Д. 102. Лл. 177—178.
3. *Подвиг* тружеников Чувашии : строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей. — Чебоксары : ЧГУ, 2021. — 155 с.
4. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 644 (Государственный комитет обороны СССР). Оп. 1. Д. 12. Л. 113. Д. 17. Л. 178 ; Оп. 2. Д. 30. Лл. 184—185.
5. СОГАСПИ — *Самарский* областной архив социально-политической истории Ф. 656 (Куйбышевский областной комитет). Оп. 5. Д. 151. Лл. 136—138 ; Оп. 19. Д. 36. Лл. 207—289. Д. 42. Лл. 3 об. — 207.
6. *Строительство* оборонительного рубежа на территории Марийской АССР (1941—1942 гг.) : сборник документов. — Йошкар-Ола : [б. и.], 2020. — 184 с.

Литература

1. *Верютин Д. В.* Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. В. Верютин. — Курск, 2002. — 147 с.
2. *Ирлицин В. И.* Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 — ноябрь 1942 гг. : на материалах Калининской области : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. И. Ирлицин. — Тверь, 1998. — 220 с.
3. *Кабилова А. Ш.* Комиссия принимает строительные работы рубежа «Казанский обвод» с оценкой «хорошо» / А. Ш. Кабилова // Гасырлар авазы. — Эхо веков. — 2016. — № 1—2. — С. 99—111.
4. *Кошкина О. А.* Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году / О. А. Кошкина. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2013. — 226 с.
5. *Красноженова Е. Е.* Военная деятельность местных органов власти в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : на материалах Нижнего Поволжья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Е. Красноженова. — Астрахань, 2008. — 212 с.
6. *Малинкин Е. М.* Куйбышевский оборонительный рубеж : история строительства / Е. М. Малинкин // Гасырлар авазы. — Эхо веков. — 2010. — № 3—4. — С. 70—78.
7. *Маляров В. Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны : создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941—1945 гг. / В. Н. Маляров. — Санкт-Петербург : УВИТУ, 2000. — 137 с.

8. Митин С. В. Сурский резерв : мобилизация населения Мордовии на строительство Сурского укрепрайона в 1941 г. / С. В. Митин // Центр и периферия. — 2015. — № 2. — С. 4—9.

9. Тугушева В. А. Деятельность городских комитетов обороны Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. А. Тугушева. — Майкоп, 2009. — 220 с.

10. Хубулова С. А. Строительство оборонительных сооружений на территории Северной Осетии в годы Великой отечественной войны / С. А. Хабулова, Л. Ч. Хаблиева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 3 (78). — С. 76—80.

11. Чугунова Н. В. Тульский городской комитет обороны, 1941—1943 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. В. Чугунова. — Тула, 2003. — 208 с.

Material resources

Construction of a defensive line on the territory of the Mari ASSR (1941—1942): collection of documents. (2020). Yoshkar-Ola: [b. i.]. 184 p. (In Russ.).

Russian State Archive of Socio-Political History. F. 644 (State Defense Committee of the USSR). Op. 1. D. 12. L. 113. D. 17. L. 178; Op. 2. D. 30. Ll. 184—185. (In Russ.).

Samara regional Archive of socio-political history F. 656 (Kuibyshev Regional Committee). Op. 5. D. 151. Ll. 136—138; Op. 19. D. 36. Ll. 207—289. D. 42. Ll. 3 vol. — 207. (In Russ.).

The feat of the workers of Chuvashia: the construction of the Sursky and Kazan defensive lines. (2021). Cheboksary: ChSU. 155 p. (In Russ.).

The military-industrial complex of the Kuibyshev region during the Great Patriotic War (1941—1945): a collection of documents and materials. (2005). Samara: Samara House of Printing. 304 p. ISBN 5-7350-0388-7. (In Russ.).

The State Archive of the modern history of the Ulyanovsk region (GANI UO). F. 8; F. 9 (Staromainsky district committee of the CPSU); F. 24 (Astradamovsky RK CPSU); F. 27 (Veshkaymsky RK CPSU); F. 30 (Mainsky RK CPSU); F. 31 (Melekessky district committee of the CPSU); F. 37 (Starokulatkinsky district committee of the CPSU); F. 39 (Tagaysky district Committee of the CPSU); F. 295 (Radishchevsky RK CPSU). (In Russ.).

References

Chugunova, N. V. (2003). *Tula City Defense Committee, 1941—1943*. PhD Diss. Tula. 208 p. (In Russ.).

Irlitsin, V. I. (1998). *Activity of NKVD bodies during the Great Patriotic War, June 1941 — November 1942: on the materials of the Kalinin region*. PhD Diss. Tver. 220 p. (In Russ.).

Kabirova, A. Sh. (2016). The Commission accepts construction works of the boundary “Kazan bypass” with an assessment of “good”. *Gasyrlar avazy. Echo of Centuries*, 1—2: 99—111. (In Russ.).

Khbulova, S. A., Khablieva, L. Ch. (2013). Construction of defensive structures on the territory of North Ossetia during the Great Patriotic War. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 3 (78): 76—80. (In Russ.).

Koshkina, O. A. (2013). *Defensive line on the territory of the Mari ASSR in 1941*. Yoshkar-Ola: Marniyyali. 226 p. (In Russ.).

- Krasnozhenova, E. E. (2008). *Military activity of local authorities in the Great Patriotic War of 1941—1945: on the materials of the Lower Volga region*. PhD Diss. Astrakhan. 212 p. (In Russ.).
- Malinkin, E. M. (2010). Kuibyshev defensive line: the history of construction. *Gasyrlar avazy. Echo of Centuries*, 3—4: 70—78. (In Russ.).
- Malyarov, V. N. (2000). *The Construction front of the Great Patriotic War: the creation of strategic frontiers and bridgeheads to ensure the defensive operations of the armed forces during the war of 1941—1945*. St. Petersburg: UVITU. 137 p. (In Russ.).
- Mitin, S. V. (2015). Sursky reserve: mobilization of the population of Mordovia for the construction of the Sursky fortified area in 1941. *Center and peripher*, 2: 4—9. (In Russ.).
- Tugusheva, V. A. (2009). *Activity of the city defense committees of the North Caucasus during the Great Patriotic War*. PhD Diss. Maykop. 220 p. (In Russ.).
- Veryutin, D. V. (2002). *Activity of NKVD bodies on the territory of the Central Chernozem region on the eve and during the Great Patriotic War*. PhD Diss. Kursk. 147 p. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 22.08.2021,
одобрена после рецензирования 21.10.2021,
подготовлена к публикации 24.04.2022.*